

Георгий Ильичев

Интервью с обозревателем отдела политики газеты "Известия"

– Скажите, пожалуйста, интересуют ли Вас – и если да, то постоянно или время от времени – данные социологических опросов?

– Да, я постоянно интересуюсь данными социологических опросов всех ведущих научных центров страны, потому что, во-первых, я изучаю общество, во-вторых, это моя прямая обязанность по работе: в "Известиях" я в отделе политики отвечаю именно за публикации наиболее интересных данных социологических опросов.

– В чем выражается Ваш интерес к таким данным?

– Интересоваться я всем этим начал давно, потому что еще после школы у меня был выбор: идти на философский факультет изучать общество или идти в журналистику изучать общест-

во другим путем – непосредственно. Я выбрал второй путь, но цель-то остается прежней: мне интересно понять, почему это общество так себя ведет и что с ним может быть дальше, управляемо ли оно в принципе, как и насколько. В поиске ответов на эти вопросы и заключается смысл моей профессиональной деятельности, и данные социологов в этом деле мне оказывают определенную помощь.

– Какие данные Вы используете?

– Я отсматриваю все то, что появляется на сайтах в открытом доступе. Кроме того, я ежедневно делаю несколько звонков знакомым социологам, и они сообщают мне об опросах, которые могут появиться в ближайшее время, о тех исследованиях, которые ведутся, о том, что может быть предоставлено нам эксклюзивно. Кроме того, когда при прочтении данных тех или иных опросов у меня возникают вопросы, то я задаю их уже конкретным людям, которые имеют отношение к подготовке этих опросов, т. е. именно социологам.

– Что Вас удовлетворяет и что не удовлетворяет в наших социологических опросах?

– Цифры не сходятся. Последнее время от этой болезни наши социологи избавляются. Но я в "Известиях" четыре года занимаюсь публикацией опросов, и три с половиной из них я пересчитывал цифры. Когда говорится о 100%, математическая опера-

ция округления часто выполняется весьма произвольно.

Если же говорить о серьезных вещах, то, конечно же, меня не устраивает, что очень часто вопросы задаются так, что ответ является предугадываемым, вопрос определяет ответ. Кроме того, часто не очень устраивает аналитический аппарат. Не буду говорить о конкретных фирмах, но некоторые, входящие в число ведущих, считают, что можно ограничиться отписками, краткими комментариями типа: возможно, это объясняется тем-то, а может быть, и не тем, а совсем другим.

Дело в том, что я очень жестко разделяю социологию и социометрию. Я воспринимаю социометрию и опросы как самый грубый, самый неряшливый, но самый распространенный и доступный инструмент социолога, и относиться к нему нужно соответственно. Это не истина в последней инстанции, это, может быть, вообще ничего, это лишь повод к началу исследований. Анализ этих цифр бывает, во-первых, качественный, во-вторых, некачественный, в-третьих, бывает заказной. Поскольку мы говорим в данном случае о политике (я – политический обозреватель), то часть наших социологов до сих пор даже не научились делать так, чтобы не сильно торчали уши заказчика из результатов их данных. Это не устраивает очень сильно.

– Поскольку Вы выступаете и в роли главного потребителя данных социологических опросов, и в роли эксперта, пробовали ли Вы когда-ни-

будь довести эти Ваши мысли до тех людей, которые делают опросы?

– Да, конечно, и неоднократно.
 – Ну и?..
 – Некоторые стали работать лучше, некоторые хуже. Есть же много факторов, которые определяют те решения, которые мы принимаем. Бум социологической информации сыграл очень злую шутку и с потребителями, и с журналистами. То, что Киселев начал в середине 1990-х годов делать в "Итогах" – еженедельно давать цифры рейтингов политиков, – это своего рода шаманство, и, к сожалению, пока что это шаманство имеет достаточно большой вес, потому что оно дорого стоит, за него платят хорошие деньги.
 – **Как Вы думаете, изменилась ли сама социология за это время?**

– Я очень надеюсь, что наша социология будет развиваться и дальше в том направлении, которое она постепенно сейчас начинает принимать. Это направление заключается в том, что опросы должны в конечном итоге приводить к ответу не на вопрос "что?", а на вопросы "почему?" и "камо грядеши?" Это то, что пытаются сейчас делать ФОМ: более развернутые комментарии, открытая база данных.

Социология делает постепенный переход от цифрового шаманства к попытке объяснить. Глубокоуважаемый и почитаемый мною Юрий Левада всегда отвечает на это так: надо посмотреть, что будет дальше. Еженедельные замеры и частота их публикаций на самом деле смазывают картину, она затуманивает взор, и я, даже поступаясь своими интересами, настаивал бы на ограничении социологических публикаций в прессе и на повышении их качества.

– Как изменилось Ваше представление о нашей социологии и опросном деле?

– Я теперь знаю кухню, как все это делается, поэтому представление изменилось очень сильно: просто стало больше информации. Это не говорит о том, что отношение изменилось в лучшую или худшую сторону, это не эмоциональная оценка – я к социологии отношусь как к любимой, но науке.

Мне неинтересно публиковать цифры и диаграммы – мне интересно объяснить людям, что с ними происходит, почему это происходит и к чему это может при-

Мне неинтересно публиковать цифры и диаграммы – мне интересно объяснить людям, что с ними происходит, почему это происходит и к чему это может привести. И главное – мне интересно понять, что они сами думают

вести. И главное – мне интересно понять, что они сами думают. И здесь еще одна проблема всех опросов – кардинальная, фундаментальная, нерешаемая принципиально, на мой взгляд: люди лгут, люди очень часто говорят неправду, отвечая на вопросы социолога. (Я уже не говорю о мафии фокус-групп. Я лично знаю с десяток людей, которые меняют все, вплоть до внешности и паспортов, и ходят по фокус-группам ежедневно по разным фондам. Это хорошо сложившаяся микромафиозная организация, которая зарабатывает свои несчастные маленькие деньги, это своеобразный клуб.) Поэтому опросы – лишь один из инструментов, которые есть в наборе у социолога. Мне порой какие-то данные чисто экономические, статистические говорят гораздо больше, чем результаты какого-то опроса, о том, кто к какому слою себя относит, а уж

данные закрытых баз налоговой службы позволят мне еще более четко понимать, что на самом деле происходит. Когда результаты опроса накладываются на другие матрицы – экономические, культурные и т.д., – то картина получается несколько более интересная.

– Вы хотите сказать, что если бы у Вас была постоянная возможность иметь параллельно данные социальной статистики и социологии, то это давало бы Вам значительно более объемную картину?

– У меня такая возможность есть, она дает мне достаточно

объемную картину. Я считаю, что эта возможность должна быть у самих социологов. Я думаю, что помимо опрашивания, пересчитывания цифр, подготовки вопросов, тяжелой, нудной, утомительной, но такой важной работы с заказчиками опросов социометрия должна все-таки помогать, а не мешать социологии.

– Что Вам самому, лично, интересно в данных соцопросов?

– Меня интересует что-то неожиданное, что расходится с моими представлениями о происходящем на самом деле.

– И бывало у Вас, что Вы находили такое неожиданное?

– Так было одно время с опросами ФОМа по скинхедам: вы вдруг одними из первых дали подробные данные о том, что это достаточно распространенные настроения в обществе, и мы стали разматывать эту тему.

– *Есть ли такие темы, о которых Вам хотелось бы написать на социологическом материале, но Вы не можете этого сделать? И если да, то почему, что Вам мешает? Когда Вы годами копаетесь в этих цифрах, и думаете, и представляете, и домысливаете на этих цифрах социальные процессы, то у Вас обязательно возникают свои темы! Хотели бы Вы написать о них?*

Вся проблема социометрии в том, что одну и ту же цифру можно интерпретировать 122 раза и эти 122 раза будут непохожи друг на друга

– Это периодически бывало и бывает. Скажем, в редакции обсуждается какая-то тема и спрашивается, есть ли какая-то социология на этот счет. И очень часто оказывается, что нет свежей. Нет, вообще социология есть про все, у меня ни разу не бывало случая, чтобы я не мог отыскать где-нибудь какого-нибудь опроса, пусть косвенно, но относящегося к заданной теме, за редчайшим исключением – какие-то частные вопросы, мелочи, допустим отношение к конкретному спортсмену. Но уж если берется тема, то надо все-таки вести ее динамику – с этим большая проблема. А использовать в ежедневной газете опросы двух-, трехлетней давности просто недопустимо. За исключением тех случаев, когда известно, что мнение общества по данному конкретному поводу достаточно статично. Вот это проблема, с которой мы сталкиваемся постоянно.

– *Значит, Вы хотели бы, но не могли написать, потому что нет свежих данных на эту тему?*

– Нет свежих данных, или, наоборот, есть только свежие данные, но нет сравнения, динамики.

– *Очень интересно. У Вас получается, что Вы всегда находите материал, который Вас интересует, что в социологии есть про все. Вот уж не подумал бы!*

– Я тоже так не думал, но вот жизнь и ежедневная работа доказывают это. Есть масса закрытых исследований – я же пользуюсь не только открытыми источни-

ками. Я пользуюсь данными всех ведущих опросных организаций. Я стараюсь их дозировать, чтобы они примерно в равных пропорциях шли в газете, но за счет качества и количества чаще других все-таки выезжают ФОМ, ВЦИОМ, Левада. РОМИР сейчас меньше, они сейчас уходят в бизнес-исследования.

– *А что бывает, если Вам не хватает ответов на возникающие у Вас вопросы?*

– Тогда я набираю номер, звоню и выпытываю. Если я не получаю удовлетворяющего меня ответа, я иду, конечно, на науч-

Мое дело – сообщить новость. Новость заключается в том-то и том-то – я журналист в первую очередь, а не публицист. Я работаю почти без вольностей

ное, но не совсем хорошее действие с точки зрения соблюдения корпоративной этики: я прошу прокомментировать эти цифры человека со стороны, из другой конторы. Такое бывает, но это бывает редко.

– *Результаты опросов ФОМа представлены в различной*

форме: есть большие тексты, есть короткие, есть графики, есть таблицы и т. д. – как Вы с ними работаете?

– Я их изучаю все в комплексе, и только после этого я пишу текст.

– *Вы даже копаетесь в наших таблицах?*

– А как же не копаться в ваших таблицах? Мне страшно интересно разделение мнений в зависимости от пола, возраста, места жительства респондентов. Сначала я читаю текст, потом я смотрю цифры, потом я снова читаю текст и понимаю, что по цифрам у меня получается немножко другое, немножко другие акценты. Так что сказать, что у меня есть предпочитаемые формы, нельзя.

Вся проблема социометрии в том, что одну и ту же цифру можно интерпретировать 122 раза и эти 122 раза будут непохожи друг на друга – вот вопрос интерпретации. Поскольку я журналист, у меня есть некие ограничения, я сам эти цифры интерпретировать большого права не имею, поэтому я вынужден это делать с помощью социологов и прочих "говорящих голов".

– *А точно ли Вы не имеете такого права?*

– Мое дело – сообщить новость. Новость заключается в том-то и том-то – я журналист в первую очередь, а не публицист на данном этапе. Я работаю почти без вольностей.

– *Даже не знаю, как к этому отнестись. С одной стороны, конечно, мы читаем все,*

что Вы пишете. Вы законодатель если не моды, то осознанного направления интерпретации социологических данных – не только для простых читателей, но и для других журналистов. Не знаю, хорошо или плохо, что Вы не допускаете этих самых вольностей? Конечно, я не могу сказать, что Вы их совсем не допускаете, Вы – это Вы, и там видно, что это Ильичев, а не кто-то еще.

Вечный вопрос – это репрезентативность. ФОМ опрашивает 100 пунктов. Мне как профессионалу интересно, что это за 100 пунктов, как их выбирали

– Есть серия публикаций, за которые мне не стыдно, – там нет ни слова лжи, но, если бы была возможность у меня, я бы их не писал. Такой возможности у меня нет, там уже стоит моя фамилия – но там написана только часть правды.

– Скажите, пожалуйста, что у нас, у ФОМа, лучше и что – хуже, чем у наших соотечественников по ремеслу? На что нам надо обратить внимание?

– На оперативность. Вот происходит событие – и у вас все-таки через слишком большой промежуток времени данные появляются, поэтому очень часто приходится давать даже не очень хорошие данные, но свежайшие. Я понимаю, что вы настаиваете на более глубоком анализе, что все правильно посчитать нужно и т.д., но некая интенсификация в обсчете, видимо, возможна все-таки. Потом, вечный вопрос – это репрезентативность. ФОМ опрашивает 100 пунктов. Мне как профессионалу интересно, в первую очередь, что это за 100 пунктов, как их выбирали. Очень часто со-

здается ощущение, что это не полный срез. Но если сравнивать с коллегами, то у вас большой плюс: у вас в заглавнике много всего, вы берете объемами.

– Что Вы имеете в виду?

– Объемы самих исследований. Это не один-два отдельных вопроса, это подробные исследования, которые ведутся годами.

В этом вы выигрываете у многих.

– Как Вы думаете, в чем общественный смысл социологических исследований и опросов?

– Смысл самих исследований вечен – это поиск истины, как оно есть на самом деле.

И опять-таки, что касается саморегулирующихся систем, каковой является общество, всегда неизбежно возникает вопрос: а дальше-то что? куда это может пойти? Это могут быть разные варианты, и задача опросного дела – во многом подсказывать, куда направлены тенденции и как эти тенденции могут переломиться вдруг, когда и что для этого должно произойти. Если задаться этими вопросами, а я ими задаюсь еже-

Нужны люди и структуры, которые связывают исследователей и журналистов, тогда будет меньше ляпов и вообще все пойдет по-другому

дневно, и копаться в этом, то я думаю, что можно добиться каких-то результатов.

– А какими Вы видите Ваших адресатов? Для кого предназначены эти публикации?

– У нас газета все-таки ориентирована на средний слой. А вообще мои публикации предназна-

чены в первую очередь для определенной политической прослойки. Во вторую очередь я адресую это широкому кругу читателей. Но изначально то, что я делаю, – это инструментальная работа, я работаю с инструментом строго по определенному направлению. Есть какие-то тексты – видно, что они для общего пользования, а есть текст, который пишется ради полтора фраз, запряженных в середине, – и те, кому они предназначены, обязательно их прочитают.

– А у Вас существует какая-нибудь обратная связь с Вашими читателями? Какая она?

– Да, пишут письма, звонят, у нас форум в интернете есть. Очень много откликов по социологии, ведется бурная полемика на нашем сайте.

– Что Вы можете посоветовать нам в области сотрудничества с журналистами?

– Надо работать с журналистами конкретно: собирать, объяснять, скандалить, ругаться почаще, когда перевирают ваши данные, учить работе с вашими материалами. Это должна быть пресс-служба, которая должна заниматься такими вещами. У Левады это отлажено довольно хорошо – есть специальные люди для работы с прессой, которые явля-

ются посредниками между социологами и журналистами. Нужны люди и структуры, которые связывают исследователей и журналистов, тогда будет меньше ляпов и вообще все пойдет по-другому.

– Большое спасибо, Георгий Владимирович.

Интервью провел Л.Блехер